

Налим — текст 1 из 2

Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелеными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим, высокий, тощий мужик с рыжей курчавой головой и с лицом, поросшим волосами. Он пыхтит, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то из-под корней ивняка. Лицо его покрыто потом. На сажень от Герасима, по горло в воде, стоит плотник Любим, молодой горбатый мужик с треугольным лицом и с узкими, китайскими глазками. Как Герасим, так и Любим, оба в рубахах и портах. Оба посипели от холода, потому что уж больше часа сидят в воде... Да что ты всё рукой тычешь? кричит горбатый Любим, дрожа как в лихорадке. Голова ты садовая! Ты держи его, держи, а то уйдет, анафема! Держи, говорю! Не уйдет... Куда ему уйтить? Он под корягу забился... говорит Герасим охрипшим, глухим басом, идущим не из гортани, а из глубины живота. Скользкий, шут, и ухватить не за что.

Ты за зебры хватай, за зебры!

Не видать жабров-то... Постой, ухватил за что-то... За губу ухватил... Кусается, шут!

Не тащи за губу, не тащи выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай!

Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости царица небесная! Хватай!

Хватай... дразнит Герасим. Командер какой нашелся... Шел бы да и хватал бы сам, горбатый чёрт... Чего стоишь?

Ухватил бы я, коли б можно было... Нешто при моей низкой комплекции можно под берегом стоять? Там глыбоко!

Ничего, что глыбоко... Ты вплавь...

Горбач взмахивает руками, подплывает к Герасиму и хватается за ветки. При первой же попытке стать на ноги, он погружается с головой и пускает пузыри. Говорил же, что глыбоко! говорит он, сердито вращая белками. На шею тебе сяду, что ли?

А ты на корягу стань... Коряг много, словно лестница...

Горбач нащупывает пяткой корягу и, крепко ухватившись сразу за несколько веток, становится на нее... Совладавши с равновесием и укрепившись на новой позиции, он изгибается и, стараясь не набрать в рот воды, начинает правой рукой шарить между корягами. Путаясь в водорослях, скользя по мху, покрывающему коряги, рука его насккивает на колючие клешни рака...

Тебя еще тут, чёрта, не видали! говорит Любим и со злобой выбрасывает на берег рака.

Наконец, рука его нащупывает руку Герасима и, спускаясь по ней, доходит до чего-то склизкого, холодного.

Во-от он!.. улыбается Любим. Зда-аровый, шут... Оттопырь-ка пальцы, я его сейчас... за зебры... Постой, не толкай локтем... я его сейчас... сейчас, дай только взяться... Далече, шут, под корягу забился, не за что и ухватиться... Не доберешься до головы... Пузо одно только и слышать... Убей мне на шее комара жжет! Я сейчас... под зебры его... Заходи сбоку, пхай его, пхай! Шпыняй его пальцем!

Горбач, надув щеки, притаив дыхание, вытаращивает глаза и, по-видимому, уже залезает пальцами под зебры, но тут ветки, за которые цепляется его левая рука, обрываются, и он, потеряв равновесие, бултых в воду! Словно испуганные, бегут от берега волнистые круги и на месте падения вскакивают пузыри. Горбач выплывает и, фыркая, хватается за ветки.

Утонешь еще, чёрт, отвечать за тебя придется!.. хрипит Герасим. Вылазь, ну ты к лешему! Я сам вытащу!

Начинается ругань... А солнце печет и печет. Тени становятся короче и уходят в самих себя, как рога улитки... Высокая трава, пригретая солнцем, начинает испускать из себя густой, приторно-медовый запах. Уж скоро полдень, а Герасим и Любим всё еще барахтаются под ивняком. Хриплый бас и озябший, визгливый тенор неугомонно нарушают тишину летнего дня.

Тащи его за зебры, тащи! Постой, я его выпихну! Да куда суешься-то с кулачищем? Ты пальцем, а не кулаком рыло! Заходи сбоку! Слева заходи, слева, а то вправо колдобина! Угодишь к лешему на ужин! Тяни за губу!

Слышится хлопанье бича... По отлогому берегу к водопою лениво плетется стадо, гонимое пастухом Ефимом. Пастух, дряхлый старик с одним глазом и покривившимся ртом, идет, понуря голову, и глядит себе под ноги. Первыми подходят к воде овцы, за ними лошади, за лошадьми коровы.

Потолкай его из-под низу! слышит он голос Любима. Просунь палец! Да ты глухой, чё-ёрт, что ли? Тьфу!

Кого это вы, братцы? кричит Ефим.

Налима! Никак не вытащим! Под корягу забился! Заходи сбоку! Заходи, заходи!

Ефим минуту щурит свой глаз на рыболовов, затем снимает лапти, сбрасывает с плеч мешочки и снимает рубаху. Сбросить порты не хватает у него терпения, и он, перекрестясь, балансируя худыми, темными руками, лезет в портах в воду... Шагов пятьдесят он проходит по илистому дну, но затем пускается вплавь.

Постой, ребяташки! кричит он. Постой! Не вытаскивайте его зря, упустите. Надо умеючи!..

Ефим присоединяется к плотникам, и все трое, толкая друг друга локтями и коленями, пыхтя и ругаясь, толкуются на одном месте... Горбатый Любим захлебывается, и воздух оглашается резким, судорожным кашлем.

Где пастух? слышится с берега крик. Ефи-им! Пастух! Где ты? Стадо в сад полезло! Гони, гони из саду! Гони! Да где ж он, старый разбойник?

Слышатся мужские голоса, затем женский... Из-за решетки барского сада показывается барин Андрей Андреич в халате из персидской шали и с газетой в руке... Он смотрит вопросительно по направлению криков, несущихся с реки, и потом быстро семенит к купальне...

Что здесь? Кто орет? спрашивает он строго, увидав сквозь ветви ивняка три мокрые головы рыболовов. Что вы здесь копошитесь?

Ры... рыбку ловим... лепечет Ефим, не поднимая головы.

А вот я тебе задам рыбку! Стадо в сад полезло, а он рыбку!.. Когда же купальня будет готова, черти? Два дня как работаете, а где ваша работа?

Бу... будет готова... кряхтит Герасим. Лето велико, успеешь еще, вышескорodie, помыться... Пфррр... Никак вот тут с налимом не управимся... Забрался под корягу и словно в норе: ни туда ни сюда...

Налим? спрашивает барин и глаза его подергиваются лаком. Так тащите его скорей!

Ужо дашь полтинничек... Удружим ежели... Здоровенный налим, что твоя купчиха... Стоит, вашескорodie, полтинник... за труды... Не мни его, Любим, не мни, а то замучишь! Подпирай снизу! Тащи-ка корягу кверху, добрый человек... как тебя? Кверху, а не книзу, дьявол! Не болтайте ногами!

Проходит пять минут, десять... Барину становится невтерпеж.

Василий! кричит он, повернувшись к усадьбе. Васька! Позовите ко мне Василия!

Прибегает кучер Василий. Он что-то жует и тяжело дышит.

Полезай в воду, приказывает ему барин, помоги им вытащить налима...

Налима не вытащат!

Василий быстро раздевается и лезет в воду.

Я сичас... бормочет он. Где налим? Я сичас... Мы это мигом! А ты бы ушел, Ефим! Нечего тебе тут, старому человеку, не в свое дело мешаться! Который тут налим? Я его сичас... Вот он! Пустите руки!

Да чего пустите руки? Сами знаем: пустите руки! А ты вытащи!

Да нешто его так вытащишь? Надо за голову!

А голова под корягой! Знамо дело, дурак!

Ну, не лай, а то влетит! Сволочь!

При господине барине и такие слова... лепечет Ефим. Не вытащите вы, братцы! Уж больно ловко он засел туда!

Погодите, я сейчас... говорит барин и начинает торопливо раздеваться.

Четыре вас дурака, и налива вытащить не можете!

Раздевшись, Андрей Андреич дает себе остынуть и лезет в воду. Но и его вмешательство не ведет ни к чему.

Подрубить корягу надо! решает, наконец, Любим. Герасим, сходи за топором! Топор подайте!

Пальцев-то себе не отрубите! говорит барин, когда слышатся подводные удары топора о корягу. Ефим, пошел вон отсюда! Пойдите, я налива вытащу... Вы не тово...

Коряга подрублена. Ее слегка надламывают, и Андрей Андреич, к великому своему удовольствию, чувствует, как его пальцы лезут налиму под жабры.

Тащу, братцы! Не толпитесь... стойте... тащу!

На поверхности показывается большая налимя голова и за нею черное аршинное тело. Налим тяжело ворочает хвостом и старается вырваться.

Шалишь... Дудки, брат. Попался? Ага!

По всем лицам разливается медовая улыбка. Минута проходит в молчаливом созерцании.

Знатный налим! лепечет Ефим, почесывая под ключицами. Чай, фунтов десять будет...

Н-да... соглашается барин. Печенка-то так и отдувается. Так и прет ее из нутра. А... ах!

Налим вдруг неожиданно делает резкое движение хвостом вверх и рыболовы слышат сильный плеск... Все растопыривают руки, но уже поздно; налим поминай как звали.